

В.К. ПИЧУГИНА
(Волгоград)

**СОПЕРНИЧАЮЩИЕ СОЮЗНИКИ:
НАСТАВЛЕНИЯ ПЛАТОНА
И КСЕНОФОНТА ЗАБОТЯЩЕМУСЯ
О СЕБЕ ЧЕЛОВЕКУ***

Определено феноменологическое понимание «заботы о себе» как основы древнегреческой педагогики классического периода, заложенной Сократом и активно разрабатываемой его учениками – Платоном и Ксенофонтом. Их наследие рассмотрено через призму отношения человека к собственному образованию в конкретном историко-культурном контексте. Обоснована значимость изучения «заботы о себе» для историко-педагогических и теоретико-педагогических исследований.

Ключевые слова: древнегреческая педагогика, педагогика «заботы о себе», «забота о себе», наставления Платона и Ксенофонта.

Особой страницей в истории античной педагогики является история древнегреческой педагогики классического периода (V – начало IV в. до н.э.), которая отмечена пониманием пайдейи, в частности, как посредника между государством, восстанавливающимся после серии военных конфликтов, и человеком, восстанавливающим веру в свое государство. Обращение к истокам выработанных в данный период образовательных идеалов означает обращение к феноменам, существенно повлиявшим на возникновение и преломление этих идеалов в разных исторических периодах. Одним из таких феноменов является «забота о себе», которая была проявлением и выражением в древнегреческой педагогике классического периода концептуальной идеи воспитания у человека ответственного отношения к образовательному проектированию самого себя. «Забота о себе» – особый педагогический феномен, изучение которого значимо как для историко-педагогических, так и теоретико-педагогических исследований, поскольку позволяет проследить, каким обра-

зом осуществлялись рецепция и переосмысление интеллектуально-культурной традиции античности последующими традициями, т.е. протраивание линий исторической эволюции базовых моделей образования. Следствием рассмотрения античных представлений о заботящемся о себе человеке с учетом множественности восприятия феномена «забота о себе» в иных эпохах и культурах стало то, что античные педагогические установки и механизмы реализации образовательных маршрутов, объединенные в понятии «забота о себе», превратились во внеавторские и вневременные, имманентно присущие педагогике любого исторического периода. Целью данной статьи является определение феноменологического понимания «заботы о себе» как основы древнегреческой педагогики классического периода, заложенной Сократом (470/469 – 399 гг. до н.э.) и активно разрабатывавшейся двумя его учениками – Платоном (420-е – 348/347 гг. до н.э.) и Ксенофонтом (ок. 430 – после 355 г. до н.э.). Сохранившиеся текстуальные источники представляют собой сплав оригинальных педагогических воззрений Сократа-учителя с собственными представлениями его учеников, не в меньшей степени повлиявших на дальнейшее становление и развитие педагогической теории и практики. Платон и Ксенофонт происходили из состоятельных афинских родов и с самого рождения получили представление о несовместимости господствующего в Афинах демократического строя с принципами справедливости, принятыми в аристократической среде. Вероятен даже один год рождения обоих – 427 г. до н.э., сближающий две ключевые фигуры античной эпохи с ее ключевым событием – Пелопоннесской войной (431 – 404 гг.). Итогом войны стало поражение Афин, которое поставило под вопрос «понятия гражданской свободы и равенства». Все чаще «взоры не только масс, но и государств обращались в сторону сильной личности, с которой стали связывать надежды на спасение или успех» [10, с. 245]. К таким личностям, наряду с крупными полководцами (Алкивиад, Лисандр и др.), относили философов и раторов, среди которых особенно выделялся оригинальный наставник и про-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-06-00315а).

тивник демократического строя не по происхождению, а по убеждению – Сократ.

Со второй половины IV в., во время кризиса классической эпохи, тема обеспокоенности нестабильностью греческого мира стала для античных мыслителей одной из основных и была раскрыта у Сократа особым образом. В многочисленных диалогах Платона и Ксенофонта, главным героем которых являлся Сократ, подчеркивается, что забота по поддержанию хрупкого греческого мира является в т.ч. и заботой греческой сферы образования. И в это понятие – «забота» (*ἐπιμέλεια*) – Сократ и его ученики вкладывали особый смысл. С одной стороны, жизнь древнего грека времен Сократа представляла собой в его глазах цепочку «забот» о теле и душе, осуществление которых позволяло не только соревноваться с другими в силе, красоте и выносливости, но и быть менее уязвимым к страстям и порокам, а следовательно, более восприимчивым к образованию. С другой стороны, «реальный» древний грек никогда не мог быть «сам по себе», поскольку принадлежал полису, требующему осуществления целого ряда иных «забот» (о близких, делах, интересах, имуществе, общем благе, репутации, о городе и государственном целом). Предельно заострив вопрос о том, что позволяет образованному человеку осуществить личные стремления таким образом, чтобы они выступили как коллективные, Сократ обратился к понятию «забота о себе» (*ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ*). Диалоги Платона и Ксенофонта демонстрируют Сократа как особого наставника, который настаивал на взаимозависимости образовательного и жизненного маршрутов своих учеников, приобретающих в «заботе о себе» умение правильно действовать заодно с другими. Став наставниками, Платон и Ксенофонт остались верными заветам Сократа и активно предлагали своим ученикам разнообразные стратегии «заботы о себе». Педагогическая проблематика являлась неотъемлемой составной частью их наставлений, важнейшим элементом размышлений об отношениях образованного человека к самому себе и к другому.

Диоген Лаэртский в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» подчеркивал, что Платон и Ксенофонт не просто часто писали на одну и ту же тему, но и открыто полемизировали друг с другом. «Они словно соперничали, сочиняя такие схожие произведения, как “Пир”, “Апология Сократа” и “Нравственные записки” (имеются в виду “Воспоминания о Сократе” Ксенофонта

и малые диалоги Платона – “Лаксес”, “Хармид” и пр. – прим. М.Л. Гаспарова) <...>и оба, вспоминая о Сократе, нигде не упоминают друг о друге – только один раз Ксенофонт называет Платона в третьей книге “Воспоминаний” [1, с. 146]. Наставления Платона и Ксенофонта существенно отличаются не только по содержанию и способам презентации, но и по характеру, направленности и подаче педагогических представлений о заботящем о себе человеке, поскольку Сократ для каждого из них был «своим» Сократом. По мнению Дж. Брагуса, Платон и Ксенофонт едины в понимании Сократа как афинского «интеллектуального овода» [12, с. 448], однако расходятся в частности и стремятся «украсить Сократа» принципиально разными способами. Брагус подчеркивает, что Ксенофонт наряду с Аристофаном и Аристотелем разрушает традиционное (=платоновское) представление об афинском оводе. Последнее ближе к современному представлению о теоретической глубине Сократа [12, р. 444, 446]. Еще Диоген Лаэртский в крупнейшем сочинении биографического и доксографического характера «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» античной эпохи указал на композиционную близость, но не содержательную тождественность трудов Платона и Ксенофонта – уникальных источников, позволяющих изучить разные аспекты зарождающегося понимания образования как воспитания готовности и потребности человека заботиться о самом себе. На первый взгляд, в отличие от Платона, Сократ как наставник в «заботе о себе» в изображении Ксенофонта не так решительно отвергает общепринятые мнения, помогая всем желающим разрешить скорее наиболее и жизненные вопросы, чем отвлеченные и возвышенные. Однако простота такой однозначности образов Сократа у Платона и Ксенофонта обманчива. У. Ольтман, Дж. Брагес, Д. Джера указывают на ряд неразрешимых в такой простоте сложностей, возникающих при попытке сопоставить труды двух сократовых учеников и зафиксировать особый стиль диалогов того и другого [11–13].

Диалоги Ксенофонта лишают диалоги Платона монополии на представление Сократа не только как человека, мыслителя, философа, социального политика, но и как наставника в заботе о себе. Труды Ксенофонта и Платона условно можно разделить на те, в которых дана оценка представлений Сократа о «заботе о себе» («Воспоминания о Сократе», «Домострой», «Пир» Ксенофонта и «Алкиви-

ад I», «Апология Сократа», «Лакхес» Платона), и те, в которых сформулированы их собственные представления о данном феномене («Воспитание Кира», «Агесилай» Ксенофонта и «Политик», «Законы», «Государство» Платона). Сопоставление всех четырех групп позволяет увидеть, что ученики Сократа выступали как соперничающие союзники, дополняя и конкретизируя друг друга в наставлениях заботящемуся о себе человеку. Эти наставления представляли собой сплав «высоких» размышлений об отношениях образованного человека к государству, власти, другому человеку с простыми и понятными правилами, которыми следовало руководствоваться в повседневной жизни: почитай богов и родителей, уважай законы и мнение друзей, соблюдай умеренность в словах и эмоциях, дорожи имеющимся состоянием, не стремись любой ценой его приумножить и т.д. Уяснив ряд теоретических положений и следуя конкретным правилам, древний грек в потоке повседневных забот (о делах, детях, друзьях, единомышленниках, жизни, здоровье, интересах, имуществе и др.) не терял, а обретал самого себя через образование. Наставник в «заботе о себе» лавировал между утилитарным знанием и тем знанием о «самом-себе-в-мире», которое мыслилось основой существования человека.

Платон и Ксенофонт по-разному встраивали понятие «забота о себе» в область образовательных значений, смыслов и ценностей. У Платона оно определено через понятие «полис» и присущие гражданину права и обязанности, а у Ксенофонта – через понятие «ойкос» и, прежде всего, права и обязанности семьянина. Оптимальная организация полиса и активное участие в его жизни начинались для Ксенофонта с правильного построения ойкосов – домохозяйств, совокупность которых образовывала полис. Понятие «ойкос» имело широкий спектр значений (дом; имущество, состояние; семья, род) и употреблялось в разных контекстах и аспектах отношений отца и сына, матери и дочери, мужа и жены, домочадцев и их рабов. Дж. Рой подчеркивает, что афинский ойкос классического периода являлся генератором напряжения между самим собой и полисом [14, р. 4]. В диалоге «Пир» Ксенофонт дает понять, что ойкос зеркально отражает изменения, происходящие в афинском обществе и образовании. Сократ, отдыхая в кругу знатных и образованных афинян, выясняет, что Антифена тревожит растущее число глав ойкосов, которые пренебрегают такого рода досугом, потому что ослеплены стремлением при-

умножить свое состояние и в своем непонимании того, что «у людей богатство и бедность не в хозяйстве («ойкφ»), а в душе», подобны больным, пораженным «тяжкой болезнью» [5, с. 176]. В труде «Домострой» (Οἰκονομικός) Ксенофонт, применяя понятие «забота о себе», подчеркивает, что полис стремится управлять ойкосами, но ойкос большую часть времени занят своими делами и сам управляет собой. Одним из героев «Домостроя» является Сократ, настаивающий на том, что глава ойкоса должен понимать, что грамотное внутрисемейное управление основано не на противопоставлении, а на отграничении «заботы» мужа от «забот» жены, подчиненных общей заботе о воспитании детей. Главное действующее лицо, домохозяин Исхомах, обращаясь к жене, говорит следующие слова: «Если когда нам бог пошлет детей, мы тогда подумаем о них, как их воспитать всего лучше: ведь и это наше общее благо...» [3, с. 219]. Употребив в оригинале словосочетание «βέλτιστα παιδεύσομεν αὐτακοῖνον» («оптимально воспитывать совместно»), Ксенофонт показывает, каким образом осуществляются межпоколенные педагогические взаимодействия. По мере взросления ребенка послушание отцу как первому наставнику в «заботе о себе» сменялось активным слушанием другого наставника. Философская педагогика учеников Сократа воспринимала такого наставника помощником в ликвидации учеником незнания о самом себе и своих образовательных возможностях.

Для Платона, который, в отличие от Ксенофонта, никогда не был женат и не имел детей, понятие «ойкос», однако, не было столь значимым, как для его собрата по обучению. Понятием, через которое Платон определял «заботу о себе», было понятие «полис», объединявшее образовательные пространства, в рамках которых ученикам следовало откликаться на призыв наставника в «заботе о себе», совершенствовать или пересматривать привычные принципы поведения. Вопрос о достаточности или недостаточности знания для того, чтобы принимать оптимальные решения, у Платона был вопросом обучения и воспитания человека, умеющего заботиться о полисе и самом себе. Следуя логике Сократа, который считал, что в вопросах воспитания следует ориентироваться на мнение в большей степени наставников, чем родителей, Платон подчеркивал, что приобретение такого знания и есть «забота о себе» в пространстве полиса, живущего активной политической, экономической, культурной и интеллектуальной жизнью. Ди-

алоги «Алкивиад I» и «Лакес» позволяют соотнести «заботу о себе» Сократа со спецификой полисного общества. В диалоге «Алкивиад I» одним из первых вопросов, который платоновский Сократ задает афинскому государственному деятелю и полководцу Алкивиаду, является вопрос: «Однако что ты собираешься делать с самим собою? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу?» [6, с.197]. Убедившись в намерении Алкивиады заботиться о себе, Сократ ставит перед ним ряд более частных вопросов, подчеркивающих взаимосвязь заботы о себе с заботой о других, и обобщающий их вопрос: каким образом Алкивиад собирается установить в полисе справедливость и порядок, если ему неизвестно, что это такое? Платон акцентирует внимание на том, что окончательно запутавшийся при попытке ответить на эти вопросы Алкивиад с огромной радостью вверяет себя в руки Сократа как опытного наставника, отрекаясь от прежнего жизненного опыта во имя нового. В диалоге «Лакес», конкретизируя понятие «забота о себе», платоновский Сократ приводит собеседников, обратившихся к нему с просьбой помочь выбрать наставника для их сыновей, к следующему выводу: молодым людям нужен хороший наставник, который бы мог позаботиться (в оригинале Платон употребляет «ἐπιμεληθῆναι» – производное от «ἐπιμελέω», «забота») «о наших и ваших детях, чтоб они вышли порядочными людьми и не посрамили бы своих предков; если же вы сами изобрели это искусство [воспитания], то укажите нам для примера кого-нибудь, кто бы, благодаря вашему попечению, из негодного сделался настоящим человеком» [8, с. 208]. В логике Платона, не ойкос с отцами, а полис с наставниками должен брать на себя ответственность приобщать к «заботе о себе» и вложить добродетель в душу человека, чтобы сделать его лучше.

Выстраивая свой идеальный полис, Платон предлагает отказаться от традиционно-го понимания ойкоса и пересмотреть его роль в первичном воспитании ребенка. Конечно, Платона нельзя понимать буквально в его рассуждениях из «Государства», но релятивизм в отношении ойкоса налицо: «Все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц <...> эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города» [7, с. 279]. Платон предлагает гражданам полиса заключать браки, которые не приводят к образованию обычной се-

ми. Дети сразу становятся общими, передаются на усмотрение правителей и кормилиц, а родители освобождаются от всех забот о своих отпрысках, в т.ч. и от заботы об их образовании. Трудно судить, насколько серьезно Платон утверждал о необходимости так «модернизировать» ойкос. Однако ему явно был чужд тезис Ксенофонта о том, что умение заботиться о себе сначала приобретает в ойкосе, а затем корректируется в полисе. Для Платона большую значимость имел наставник в «заботе о себе», находящийся вне семьи ученика, к которому уже взрослый ученик примкнул в пространстве полиса и благодаря которому осознал ценность образа жизни, выстроенного в логике собственных образовательных перспектив. В том, насколько эти собственные перспективы являлись одновременно и перспективами государственными, из года в год Платон все более и более разочаровывался; средством позитивно повлиять на ситуацию можно считать основание им Академии, выпускники которой могли становиться видными политиками.

Вопрос о возможных рисках от узурпации власти недостойным ее человеком, обозначенный Сократом через «псевдозаботу о себе», всегда являлся актуальным для обоих его учеников, объединял их. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» указал на то, что если «забота о себе» понимается главой государства как реализация своих желаний любой ценой, то она наносит непоправимый вред всем его гражданам: «... царь выбирается не для того, чтобы хорошо заботиться о себе, но чтобы и выбравшим его благодаря ему жилось хорошо» [2, с. 6]. В оригинале Ксенофонт употребил словосочетание «ἐαυτοῦ καλῶς ἐπιμελεῖται» («хорошо заботиться о себе»), акцентируя внимание на том, что сущность «заботы о себе» должна быть правильно понята. В противном случае возникает подмена прав и обязанностей заботящегося о себе человека. Забота политика о себе выступает у Платона заботой о других. В «Политике» государственный деятель определен Платоном как человек, который осуществляет «всеобщее попечительство» («ἐπιμελητικῆν»), т.е. заинтересован и в воспитании граждан. Один из героев диалога объясняет возникновение «заботы о себе» следующим образом: «...когда прекратилась <...> забота богов о людях, им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе подобно целому космосу...» [9, с. 35]. «Забота о себе» определена Платоном как деятельность, которая позволяет устроить и упоря-

дочить человеческую жизнь, поскольку концентрирует наставления, дарованные человеку богами.

Диоген Лаэртский четко указал на труды, в которых полемика двух «сократиков» проявилась наиболее ярко: «...один сочинил “Государство”, другой «Воспитание Кира», а Платон на это заявил в “Законах”, что такое “Воспитание Кира” – выдумка, ибо Кир был совсем не таков» [1, с. 146]. На то, что это была полемика именно по педагогическим вопросам, указывают многие комментаторы, описывая «Воспитание Кира» как критическую реакцию Ксенофонта на «Государство» Платона, а «Законы», в свою очередь, – как критическую реакцию на «Воспитание Кира» Ксенофонта. У.Х.Ф. Ольтман подчеркивает, что педагогика учеников Сократа была очень разной: если в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт описывает одну моральную вселенную, где Сократ объясняет, как связать личное с общественным, то Платон в «Алквиаде I» – принципиально иную [11, с. 24]. В некотором смысле это были педагогики, выстроенные вокруг разных пониманий заботящегося о себе и других человека.

В «Законах» Платон расширил идею Сократа о том, что «забота о себе» – это не просто осознанный выбор человеком трудного пути под руководством наставника, это его долг перед полисом, принимающим такие законы, которые позволяют всем максимально полно реализовывать свои образовательные возможности. В «Государстве» Платон подчеркивает, что необходимо «заботиться (θεραπεύω) о гражданах, полноценных (εὐφυής) как в отношении тела, так и души, а кто не таков (κακοφυής), кто полноценен лишь телесно, тем они предоставят вымирать; что касается людей с порочной душой, и притом неисцелимых, то их они сами умертвят» [7, с. 212]. «Забота о себе», по Платону, возможна лишь в случае т.н. полноценных особей.

Сократ еще, кажется, не делит слушателей по таким критериям. Тезис о необходимости сословия философов-правителей, выдвинутый им в «Государстве», сопровождался платоновыми правилами конструирования идеального полиса, «пригодные, одаренные и хорошо развитые (εὐφυής) граждане» которого осознают, что полис призван заботиться о них, а они о нем. Воспитательная сила законов и мудрость правителей, по Платону, превратит такой полис в пространство, где живут не внешними и навязываемыми извне ограничениями, а внутренними, сформулированными по мере при-

общения идеальных сограждан к полноценной «заботе о себе» для сбалансированного развития тела и души. Стремление к образовательному идеалу и его достижение, по Платону, не должно быть ограничено набором физических способностей и познаний, сколько бы сильно они не были необходимы для участия в управлении полисом; необходимо еще и воспитание способности самоустроения и мудрого политического выбора в делах социума.

В раскритикованном Платоном «Воспитании Кира» Ксенофонт подробно описывает, каким образом «забота о себе» осуществлялась у персов, не оставляя у читателя сомнений в правильности и гармоничности ойкоса, в пространстве которого вырос будущий персидский лидер Кир: «Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более, чем кто-либо другой, мы тщательно исследовали, каково он был происхождения, каковы были его природные дарования, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми» [4, с. 6]. Выведенный в сочинении наставником Кира его отец Дарий II показан сумевшим объяснить ему, что забота о себе неотделима от заботы о других. Значительную часть труда «Воспитание Кира» занимают диалоги Кира с отцом, которые выстроены Ксенофонтом для своих слушателей/читателей таким образом, чтобы любой желающий проявить «заботу о себе» и достичь такого же результата, как и Кир, смог получить ответы на все свои вопросы. На вопрос Кира отцу о том, как стать мудрым, Дарий II отвечает, что следует научиться принимать правильные решения и заботиться о том, чтобы всегда действовать в соответствии с ними. В данном контексте понятие «ἐπιτέλεια» употреблено Ксенофонтом в логике Сократа: получив образец «заботы о себе» от наставника, человек обязан следовать ему в течение всей жизни. Кир представлен Ксенофонтом как достойный своего отца высокообразованный человек и тонкий дипломат, который останавливает своих воинов, решивших начать победный пир без союзников, словами: «...мы мало выиграем, если позаботимся только о себе и оставим без внимания наших союзников» [4, с. 90]. Копируя отца, Кир превратил свою походную палатку в центр приобщения к «заботе о себе», приглашая туда гостей, друзей и единомышленников для того, чтобы вести нравоучительные беседы. Ксенофонт «пересказывает» их таким образом, чтобы читателю стало очевидно, что перед ним пошаговая стратегия осуществления «заботы о себе». Так, сначала Кир очер-

чивает спектр забот воина, в который не входят занятия земледелием, ремеслами и домашними делами, и убеждает своих слушателей в исключительной важности «досуга, необходимого для учения» [4, с. 92]. Затем он утверждает, что, став однажды «доблестным мужем», необходимо постоянно заботиться о том, чтобы остаться таковым («не следует жить беззаботно»), стать примером для своих детей и научить их проводить «целые дни в благородных занятиях» [Там же, с. 180]. Отметим, что в труде «Агесилая» Ксенофонт наделяет царя Спарты теми же качествами, которые были присущи Киру, акцентируя внимание на его умении проявлять заботу как о воинах, друзьях, родственниках, пленных и их детях, так и о самом себе через гармонизацию забот о душе и теле (см.: 1.21; 2.8; 11.13) [4]. И за этим скрупулезным сопоставлением афинской пайдеи с персидской, а затем спартанской, проявляется стремление Ксенофонта сначала преподнести афинянам, а потом закрепить урок, что существуют иные стратегии «заботы о себе», помимо полисной схемы «Государства», позволяющие ничуть не хуже творить себя по образу и подобию лучших из лучших. Не случайно в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт приводит диалог Сократа и Перикла, в ходе которого они приходят к выводу о том, что Афины утратили былое величие, потому что афиняне перестали заботиться о себе, не стремясь вспомнить заветы предков и не берут пример с тех народов, которые их соблюдают [2].

Несмотря на то, что Ксенофонт назвал «установленной истиной» все, что ему якобы удалось выяснить о Кире, читатель понимает – перед ним цепочка диалогов, которые никогда не были произнесены, и сражений, которые никогда не имели место. По Ф. Стадтеру, это повествование «без тени исторической реальности» представляет собой «серию эпизодов, нанизанных на опыт личности», которые побуждают читателя искать и находить точки соприкосновения вымышленных событий и обстоятельств с событиями и обстоятельствами собственной жизни [15, р. 369, 371–372]. Иными словами, убедив аудиторию в том, что такой герой, как Кир, является «продуктом» особой пайдеи («Воспитание Кира» = «Κύρου παιδεία»), Ксенофонт предлагает всем желающим сделать себя самим, приблизившись к его герою, следуя путем его (само)воспитания. Жанр не совсем традиционного повествования об известной личности от рождения до самой смерти позволил Ксенофону показать один из возможных способов поиска само-

го себя человеком, наделенного властью. По мнению Ч. Виддена, Ксенофону было важно подчеркнуть, что его Кир отвергает приведенный Платоном в «Государстве» «учебный план» Сократа [16, с. 559], потому что не признает свое невежество, не тяготится отсутствием мудрости (в одном из диалогов Кира с отцом даже утверждается, что мудрость приносит человеку благо с такой же вероятностью, как и жребий) и стремится не к восполнению знаний, а к проверке имеющихся знаний на практике через построение своей империи. В отличие от «Государства», где мы видим оторванный от повседневности эскиз грамотного правления и правителя, которому через «заботу о себе» лишь предстоит пройти испытание властью, «Воспитание Кира» изобилует детальным описанием повседневных ситуаций с участием заботящегося о себе Кира, членов его семьи, друзей, подчиненных. В «Законах», названных Диогеном Лэртским и рядом комментаторов ответом на «Воспитание Кира», Платон отмечает, что хоть персы при Кире и получили возможность «публично проявлять свою разумность», сам Кир был «хорошим полководцем и любил свое государство, но совершенно не понимал правильного воспитания» и примером тому его невоспитанные сыновья [4, с. 178–179]. По мнению Платона, Кир с детства находился в военных походах во имя богатства и славы, потому не только не получил должного воспитания, но и просмотрел то, что его сыновьям было «дано гибельное воспитание». Как бы стремясь примирить Платона и Ксенофонта, Ф. Стадтер подчеркивает, что оба используют вымысел для презентации «фундаментальных истин», но «Воспитание Кира» активнее привносит в мир читателя утопическое видение, чем «Государство» Платона, которое не имеет такого педагогического потенциала, поскольку допускает читателя лишь как наблюдателя и не делает его активным соучастником [15, р. 370, 379].

Можно сделать вывод о том, что утопическое видение человека, заботящегося о себе в пространстве полиса, состоящего из ойкосов, возникло у Ксенофонта и Платона не случайно. Жизненные пути «соперничающих союзников» были во многом близки. В отличие от Сократа, предпочитавшего не выходить за пределы афинских городских стен, Платон и Ксенофонт активно путешествовали и имели возможность не только сравнить уровень жизни и образования разных народов, но и выбрать оптимально «поле действий» для реализации своих политико-педагогических кон-

цепций на практике. Однако оба потерпели неудачу, познали тяжесть изгнания, были вынуждены оставить активную политическую деятельность и сосредоточиться исключительно на деятельности педагогической. Вынужденный покинуть Афины после казни Сократа, Платон предпринял как минимум три попытки превратить в «поле действий» Сиракузы и установить там строй, опирающийся на власть не толпы, а хорошо образованных людей, умеющих заботиться о себе и о той самой толпе. По преданию, Платон настолько увлекся идеей насаждения новых порядков, что был арестован, выслан из Сиракуз в статусе военнопленного раба и только чье-то заступничество позволило ему сохранить свободу и вернуться на родину. Ксенофонт, сумевший отличиться как талантливый полководец при отступлении греческих наемников из Персии (401–400 гг.), дважды пытался стать ойкисом – основателем нового города – по пути возвращения греков: сначала во время стоянки в Котиоре на южном побережье Черного моря, а затем в Кальпийской бухте (на том же побережье ближе к Греции). Однако, как указывает Э.Д. Фролов, эта перспектива не увлекла его наемников, и по окончании похода Ксенофонт нанялся к фракийскому царю Севфу, который пообещал ему отдать значительную территорию с крепостями, но обещания не сдержал [10, с. 248]. После разочарования во фракийском царе Ксенофонт примкнул к спартанскому царю Агесилаю и выступил против Афин, чем и заслужил изгнание. Обманувшись в реальности каждый по-своему, Платон и Ксенофонт предложили читателю труды утопического характера, которые могли бы подкрепить всех, стремящихся к образовательному проектированию самого себя.

Древнегреческой педагогике классического периода было свойственно оценивать стратегии общей образовательной политики и индивидуальные образовательные стратегии, исходя из того, что на данном этапе требует более пристального внимания и попечения (=заботы) в сфере как личного, так и государственного. Обращение к наследию Платона и Ксенофонта позволяет судить о том, что среди забот, осуществление которых делало полис и ойкос более стабильными, особое место занимала «забота о себе», понятая как особая образовательная активность на благо себе и другим, в силу особенностей полиса ищущая баланса и синтеза индивида и целого. Понимание и Ксенофонт, и Платоном «заботы о себе» как основы древнегреческой педагогики классического

периода центрировано на человеке, понимающем ценность образования и заинтересованном в процветании своего государства. В условиях, когда политическая активность рассматривалась как норма жизни, все дестабилизирующие факторы для полиса и ойкоса Платон и Ксенофонт автоматически превратили в дестабилизирующие факторы для заботящегося о себе человека, пытаясь – каждый по-своему – совладать с теми и с другими. Их педагогика «заботы о себе», утопичная в силу своей реальности и реальная в силу утопичности, содержит антрополого-педагогические универсалии для последующих научных, философских, педагогических и религиозных систем, центрированных на «заботе о себе».

Литература

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1986.
2. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. С.И. Соболевского. М. : Наука, 1993 (Xenophon. Memorabilia // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
3. Ксенофонт. Домострой / пер. С.И. Соболевского. М. : Наука, 1993 (Xenophon. Oeconomicus // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
4. Ксенофонт. Киропедия / подгот. В.Г. Боруховичем, Э.Д. Фроловым. М. : Наука, 1976 (Xenophon. Cyropaedia // Xenophontis opera omnia. Oxford: Clarendon Press. 1910. Vol. 4).
5. Ксенофонт. Пир / пер. С.И. Соболевского. М. : Наука, 1993 (Xenophon. Symposium // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
6. Платон. Алкивиад I // Платон. Диалоги / пер. с др.-греч. С. Я. Штейнман-Тонштейн. М. : Мысль, 1986 (Plato. Alcibiades I // Platonis Opera, ed. John Burnet. Oxford University Press. 1903. Vol. 3).
7. Платон. Государство // Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во О. Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1; (Plato. Respublica // Platonis opera. Oxford: Clarendon Press, 1902. Vol. 4).
8. Платон. Лахес // Творения Платона / пер. с греч. В. Соловьева. М. : Изд-во К. Солдатенкова, 1889. Т. I (Plato. Laches // Platonis Opera / ed. John Burnet. Oxford University Press, 1903).
9. Платон. Политик // Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во О. Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 2 (Plato. Politicus // Platonis opera. Oxford: Clarendon Press, 1900. Vol.1).
10. Фролов Э.Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия / подгот. В.Г. Боруховичем, Э.Д. Фроловым. М. : Наука, 1976.

**ИСТОРИКО- И СРАВНИТЕЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

11. Altman W.H.F. The reading order of Plato's dialogues // Phoenix 2010. Vol. 64. № 1/2.
12. Bragues G. Socrates on Management: An Analysis of Xenophon's Oeconomicus // Business & Economics Society International Conference, Worcester, Mass. 2007. Vol. 1.
13. Gera D.L. The Dialogues Of The Cyropaedia. Oxford: Trinity Term, 1987. Vol. 1.
14. Roy J. 'Polis' and 'Oikos' in Classical Athens // Greece & Rome, Second Series. 1999. Vol. 46. № 1.
15. Stadter Ph. Fictional Narrative in the Cyropaedia // Xenophon. Oxford Readings In Classical Studies / ed. by V.J. Gray. N.Y.: Oxford University Press, 2010.
16. Whidden Ch. The Account of Persia and Cyrus's Persian Education in Xenophon's "Cyropaedia" // The Review of Politics. 2007. Vol. 69. № 4.
- * * *
1. Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitnykh filosofov / per. s dr.-grech. M.L. Gasparova. M. : Myisl, 1986.
2. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate / per. S.I. Sobolevskogo. M. : Nauka, 1993 (Xenophon. Memorabilia // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
3. Ksenofont. Domostroy / per. S.I. Sobolevskogo. M. : Nauka, 1993 (Xenophon. Oeconomicus // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
4. Ksenofont. Kiropediya / podgot. V.G. Boruhovichem, E.D. Frolovyim. M. : Nauka, 1976 (Xenophon. Cyropaedia // Xenophontis opera omnia. Oxford: Clarendon Press. 1910. Vol. 4).
5. Ksenofont. Pir / per. S.I. Sobolevskogo. M. : Nauka, 1993 (Xenophon. Symposium // Xenophontis opera omnia. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1921. Vol. 2).
6. Platon. Alkiviad I // Platon. Dialogi / per. s dr.-grech. S. Ya. Shteynman-Tonshteyn. M. : Myisl, 1986 (Plato. Alcibiades I // Platonis Opera, ed. John Burnet. Oxford University Press. 1903. Vol. 3).
7. Platon. Gosudarstvo // Sochineniya: v 4 t. / pod obsch. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta: Izd-vo O. Abyishko, 2007. T. 3. Ch. 1 (Plato. Respublica // Platonis opera. Oxford: Clarendon Press, 1902. Vol. 4).
8. Platon. Lahes // Tvoreniya Platona / per. s grech. V. Soloveva. M. : Izd-vo K. Soldatenkova, 1889. T. I (Plato. Laches // Platonis Opera / ed. John Burnet. Oxford University Press, 1903).
9. Platon. Politik // Sochineniya: v 4 t. / pod obsch. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta: Izd-vo O. Abyishko, 2007. T. 3. ch. 2 (Plato. Politicus // Platonis opera. Oxford: Clarendon Press, 1900. Vol.1).
10. Frolov E.D. Ksenofont i ego «Kiropediya» // Ksenofont. Kiropediya / podgot. V.G. Boruhovichem, E.D. Frolovyim. M. : Nauka, 1976.
11. Altman W.H.F. The reading order of Plato's dialogues // Phoenix. 2010. Vol. 64. № 1/2.
12. Bragues G. Socrates on Management: An Analysis of Xenophon's Oeconomicus // Business & Economics Society International Conference, Worcester, Mass. 2007. Vol. 1.
13. Gera D.L. The Dialogues Of The Cyropaedia. Oxford: Trinity Term, 1987. Vol. 1.
14. Roy J. 'Polis' and 'Oikos' in Classical Athens // Greece & Rome, Second Series. 1999. Vol. 46. № 1.
15. Stadter Ph. Fictional Narrative in the Cyropaedia // Xenophon. Oxford Readings In Classical Studies / ed. by V.J. Gray. N.Y.: Oxford University Press, 2010.
16. Whidden Ch. The Account of Persia and Cyrus's Persian Education in Xenophon's "Cyropaedia" // The Review of Politics. 2007. Vol. 69. № 4.

Rival team-mates: admonitions of Plato and Xenophon to a human who cares about oneself

There is determined the phenomenological comprehension of "care about oneself" as the basis of ancient Greek pedagogy of the classic period founded by Socrates and developed by his followers – Plato and Xenophon. Their heritage is considered through the prism of human's attitude to one's own education in the particular historical and cultural context. There is substantiated the significance of study of "care about oneself" for historical and theoretical pedagogic researches.

Key words: *ancient Greek pedagogy, pedagogy of "care about oneself", "care about oneself", admonitions of Plato and Xenophon.*

(Статья поступила в редакцию 13.05.2014)

